

нофобии и враждебности по отношению к другим, недоброжелательность [4, с.184]. Современный подход к исследованию проблем межэтнической и межкультурной коммуникации основан на положении о том, что только с позиций изучения национальных особенностей можно рассматривать мир как целостную систему различных культур и идеологий. Более того, современная коммуникация предполагает диалог и конструктивную критику как элемент успешного функционирования сообщества, а также как фактор усовершенствования и осмысления собственных идей “критически мыслящей личности”.

В государствах бывшей Югославии представители либеральных и независимых СМИ не имеют формальной сетевой системы или учреждений, которые связывают их с коллегами в соседних странах, чтобы проследить сообщения об этническом положении по всему региону. Как говорит Драголюб Жаркович, главный редактор независимого белградского еженедельника “Vreme” (Время), журналисты, работающие в официальных и полуофициальных изданиях Сербии и Хорватии, охотно становятся активными сторонниками политической дезинтеграции бывшей Югославии.

Собственность на СМИ в восточной Европе и бывшем Советском Союзе – это один из основных и серьезных факторов, влияющих на то, что люди видят в газетах и на телеэкранах. При этом правительства стран Восточной Европы не хотят упускать возможность монополии прежде всего на телевидение. Совершенно очевидно, что успешная демократия в любом регионе требует динамичного и высокоэффективного развития независимых электронных СМИ, однако этому процессу мешают, к сожалению, увеличение цен и разрушающийся рынок: телевидение является наиболее доступным средством получения информации.

Интернет не может заменить традиционную журналистику, но должен дополнить её и укрепить свободу выражения и демократические процессы. Интернет – это широкий доступ ко всем видам информации, законам, записям парламентских дебатов, базам данных, декларациям ООН, семинарам ЮНЕСКО. Не должно быть предварительной цензуры Интернет-коммуникации, так же как не должно ограничиваться свободное выражение в этих новых информационных средствах.

У СМИ в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе может уйти целое поколение на развитие методов и приемов объективного освещения межэтнических отношений и формирование принципов эффективного наблюдения за правительством. В США и странах Западной Европы освещение расовых вопросов долгое время было крайне субъективным, часто провокационным, и радикальные изменения заняли там несколько десятилетий, начиная с движения за гражданские права в 60-х годах. Величайшая перемена в освещении ра-

совых отношений произошла, как ни странно, не у северных, а у южных издателей, которые поняли, что общество переживает бурную трансформацию и что журналистика играет жизненно важную, позитивную роль в разрешении, а не в обострении этнической напряженности. Так называемые “самокорректирующие” механизмы средств массовой информации, которые существуют в мировом журналистском опыте, не приняты в теории и не используются на практике в постсоветском информационном пространстве.

Специально созданная международная медиа-группа “СМИ против расизма и ксенофобии” (IMRAX), цель которой – развитие международной стратегии, основанной на улучшении качества ведения медиа-репортажей, толерантности изданий и повышении профессионального уровня работников СМИ., уже определила и провела ряд мероприятий:

- создана сеть международных журналистских организаций, выступающих против расизма в СМИ;
- выпущены пособия для европейских журналистов;
- учреждена медиа-мониторинговая единица;
- определена программа образования и обучения;
- организована серия международных конференций по повышению профессионализма в данной области;
- разработаны стратегические концепции сотрудничества издателей, дикторов и журналистов.

Нетрудно предположить, что на государственном и общественном уровнях деятельность ООН/ЮНЕСКО может растянуться надолго, поэтому сами СМИ должны нести большую ответственность за просвещение собственного общества.

Литература

1. См. теорию информационной ценности – Theory of Information Value by Johan Galtung, Mari Holmoe Ruge.
2. Гаджиев К.С. Политическая философия. – М., 1999.
3. Панин В.В. Политическая корректность в текстах mass media. – <http://www.utmn.ru/frgf/No14/text05.htm> (ссылка проверена 01.02.2003).
4. Тарева Е.Г. Толерантность межэтнического общения: роль категории для системы лингвистического образования// Методы современной коммуникации: проблемы теории и социальной практики. – М: МГЛУ, 2002.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово, 2000.
6. Флори Ф. Модельный закон СНГ. –М.: Akademia, 2002

Богданович Г.Ю. О ПОНЯТИИ МЕНТАЛЬНОСТЬ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ОПИСАНИЙ

Рассматривая единицы языка в качестве носителей знаний о мире, проявителей когнитивно-этических установок, мы ставим перед собой следующие задачи:

- 1) определить объем понятия *языковая компетенция*;
- 2) на материале русского языка показать, что слова и другие языковые единицы

эксплицируют специфику ментальности представителей определенной культуры; 3) описать полилингвокультурный аспект русской фразеологии; 4) обозначить признаки речевого этикета как составной части культуры и способа выявления социального статуса человека в условиях мультикультуры.

Понятие ментальности широко эксплуатируется в современной науке, оно стало достоянием общественного сознания, предметом философских и социокультурных размышлений. Между тем и это понятие, и сам термин относятся к числу неопределенных, меняющих свою предметную отнесенность в зависимости от понимания природы мышления, сознания и – особенно – способов репрезентации структур мышления и сознания. «По-видимому, известная размытость понятия обусловлена самой природой феномена: ментальность вездесуща, она пронизывает всю человеческую жизнь, присутствует на всех уровнях сознания и поведения людей, а потому так трудно ее определить, ввести в какие-то рамки» [5].

В «Современном словаре иностранных слов» дается такое определение менталитета: «Менталитет – это склад ума, мироощущение, мировосприятие, психология» [30, с.371]. Или: Менталитет [фр. Mentalis - умственный] – 1) склад ума, умственный настрой; 2) образ, способ мышления личности или общественной группы [2, с. 402].

Более развернутое определение этого понятия можно найти в словаре философских терминов: «Ментальность – глубинный уровень коллективного индивидуального сознания, включающий и бессознательное. Ментальность – совокупность готовностей, установок и предрасположенностей индивида или социальной группы действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом. Ментальность формируется в зависимости от традиций культуры, социальных структур и всей среды обитания человека и сама, в свою очередь, их формирует, выступая как порождающее сознание, как трудноопределимый исток культурно-исторической динамики» [29].

Языковые аспекты соотношения в сознании мышления и действительности представлены в работах Л.С. Выготского [4], А.А. Леонтьева [18], Г.В. Колшанского [14; 15; 16], А.Р. Лурия [20], Т.М. Дридзе [7]. В ряду зарубежных исследователей особо значимы имена Л. Витгенштейна, М. Хайдеггера, Ф. де Соссюра, Г.Г. Гадамера, Г. Гийома, Ч. Осгуда, А.А. Ричардсона, К. Ясперсена, Х. Ортеги-и-Гассета и др.

Философы определяют сознание как высший уровень отражения действительности, бытия. Сознание связывается с образом мира, картиной мира. В психологии сознание противопоставляется бессознательным процессам.

К принципам современной лингвистики, наряду с антропоцентризмом, когнитивизмом, прагматизмом, этноцентризмом, относится ментализм [8; 9; 27].

Исследования по психолингвистике, теории речевой деятельности, когнитивной психологии, теории коммуникации (в том числе межкультурной) позволили соотнести картину мира как отображенную в психике человека действительность

(материальное и идеальное, реальное и воображаемое) и языковую картину мира как совокупность знаний, запечатленных в единицах языка, в структурах репрезентации знаний.

Картина мира, включающая когнитивные, аксиологические, нормоустанавливающие компоненты, – общее поле деятельности этнографов, психологов, лингвокультурологов.

Ментальность – способ видения мира, уровень общественного сознания, «минимум духовного единения людей, без которого невозможна организация любого общества». Менталитет – глубинная структура сознания, зависящая «от социокультурных, языковых, географических и других факторов» [22, с. 49].

Ментальное пространство – система представлений о мире. Ментальное пространство «задает собственный смысловой контекст, обладает собственной эмоциональной окраской и диктует свои правила построения действий» [24, с. 21]. Ментальное пространство носителя определенной культуры строится на системе представлений, сформировавшихся именно в этой культуре.

Отсюда – обусловленная различиями картин мира, формами культурно-исторического бытия дифференциация национальных языков по лексической семантике и грамматической структуре. Сопоставляя соэквивалентную лексику многих национальных языков, исследователи всегда выявляют обусловленное культурными различиями семантическое, коннотативное или ассоциативное несоответствие.

Для лингвокультурологии значим психосемантический подход к исследованию сознания. Это подтверждается содержанием определения сознания, представленным в работе «Психосемантика сознания»: «Сознание – высшая форма психического отражения, присущая человеку как общественно-историческому существу, выступает как сложная система, способная к развитию и саморазвитию, несущая в своих структурах присвоенный субъектом общественный опыт, моделирующая мир и преобразующая его в деятельности» [24, с.5].

Хотя ментальная и семиологическая структуры имеют разную природу, управляются разными законами, между ними существуют отношения когерентности – взаимосвязанности и взаимозависимости. Система каждого национального языка по-разному достигает состояния равновесия между психической и знаковой сторонами. Но в любом случае знаковая система (прежде всего лексическая) – способ выявления ментальной. Комплекс составляющих национального языка (слово, фразеологизм, грамматические структуры) – это и комплекс ментальной системы народа.

Лингвистическому анализу поддается семиологическая, речевая структура. Ментальная (психическая) структура проявляется в понимании значения слова (понимание – как переход от семиологии к мысли). Понимание в условиях межкультурного общения осложняется по причине дополнительных значений, «присваиваемых» языковому знаку или «отбираемых» у него носителем другой ментальности. «Конечное означающее яв

ляется фактом речи, начальное означаемое – фактом мысли» [26, с. 49].

Лингвокультурология не может не учитывать связей словесного (речевого) выражения с ментализмом содержания. Модель психосемиологии *от мысли – к словесному выражению* при этом дополняется наблюдениями культурологического характера в движении от словесного выражения к мысли. Ментальная природа языка конкретизируется рассмотрением языковых фактов в контексте определенной культуры, а также взаимовлияния культур.

Внутренние ментальные состояния репрезентируют внешний мир. Ментальные состояния и процессы структурируются с помощью языка. С известной долей упрощения и допущения ментальное пространство может быть описано через единицы языка, понимаемые как средства ментальной репрезентации. Какие структуры сознания стоят за языковой единицей; как картина мира фиксируется в языковой картине мира, отражается на семантике языковых единиц – все это входит в исследовательскую программу когнитивной лингвистики; если при этом выявляется и этнокультурная специфика, то и в программу лингвокультурологии. Мир, в котором рождается и живет человек, влияет на его язык. Этнокультурная специфика ментализируется, ее выявление связывается с внутренними (ментальными) формами представления о мире – с картиной мира. Понимание ментальности – это и понимание критериев идентификации человека в рамках определенной культуры. Возможности коммуникации и взаимопонимания людей, принадлежащих к разным культурам, «свидетельствует как о наличии общечеловеческого бытийного базиса, являющегося инвариантом жизнедеятельности людей, так и о высокой степени взаимопроникновения и взаимообогащения культур разных народов» [24, с. 27]. В условиях полилингвокультурной ситуации «инвариант жизнедеятельности» имеет высокую степень значимости, что объясняет быстроту и глубину взаимопроникновения и взаимообогащения культур.

Языковая картина мира отображает в формах языка действительность, воспринятую сознанием. Скрытые сферы ментальности обнаруживаются в языке. Содержание мысли и соответствующее ему слово, выражение и т.д. связаны. Язык зависит от мысли, мысль зависит от языка. Система понятий выражается в системе языка, модифицируется и проявляет личностный характер в речевой деятельности. Отражая систему понятий, языковая система меняется в соответствии с изменениями этих понятий. Понимание связей языка и сознания, движение от речи через язык к мысли как творцу языка, осознание языка как стимула мысли – наиболее продуктивный результат, достигнутый совместными усилиями философов, психологов, лингвистов.

Принцип ментализма лежит в основе когнитивной психологии и когнитивной лингвистики. Именно в последней знания о мире описываются через языковые единицы, значения которых все больше сближаются со смыслом, концептом как ментальной сущностью.

Для лингвокультурологии особенно важно соотношение языковой единицы с когнитивной

структурой, проектирование значения слова на национальное самосознание. Триада «этнос – язык – культура» ... должна обязательно приниматься во внимание при когнитивном анализе номинативных подсистем языков и номинативной организации текста / дискурса как знака» [27, с. 39].

Хотя язык не может объяснить все механизмы функционирования мышления, он является важнейшей составляющей его характеристики. Язык связывает опыт поколений, социологизирует и культурологизирует реальность, общество и отдельного человека.

Признавая факт неясности ментального лексикона, членения, хранения и переработки значения в человеческом мозгу, невозможности отождествления ментального лексикона и словаря, исследователи справедливо считают, что «полный разрыв этих двух сущностей в научной теории также мало продуктивен; задача состоит в поисках взаимосвязей и опосредующих образований между ментальным лексиконом человека и словарем...» [13, с.163].

Ментальный лексикон определяет характер национального дискурса (здесь дискурс – определенный тип ментальности, проявляющий возможности речедеятельности языковой личности).

Структуры сознания отражаются в знаковой форме. Культурный и общественный опыт кристаллизируется в слове.

Язык является основным фактором, определяющим специфику коллективного и индивидуального сознания, типа мышления. Поэтому для определения понятия «ментальность» исследования необходимо проводить прежде всего на языковом материале. Традиционно понятие ментальности соотносят с культурой, конкретной лингвокультурологической общностью.

Ментальные структуры сознания как психологические механизмы построения субъективной реальности доступны анализу по крайней мере в двух моментах своего функционирования: в процессе вербализации и в коммуникативном акте, когда происходит обмен языковыми репрезентациями опыта, их понимание.

Реконструкция национальной специфики языка на основе особенностей национальной ментальности позволяет выявить и описать ментальный лексикон и концептосферу. Ментальный лексикон – единицы, фиксирующие в языке признаки национальной ментальности.

По мнению Д.С. Лихачева, в словарном запасе языка существуют четыре уровня: 1) словарный запас (и фразеологизмы); 2) значения словарного типа; 3) концепты – некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заемители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом; 4) концепты отдельных значений слов, зависящие друг от друга, составляющие некие ценности, которые можно определить как концептосферу [19, с. 6].

Богатство языка определяется не только богатством «словарного запаса» и грамматическими возможностями, но и богатством концептуальной сферы, носителем которой является язык человека и его нации. «Понятие

концептосферы особенно важно тем, что оно помогает понять, почему язык является не просто способом общения, но неким концентратом культуры – культуры нации и ее воплощения в разных слоях населения вплоть до отдельной личности» [19, с. 9].

Д.С.Лихачев полагал, что концепт существует не для самого слова, а, во-первых, для каждого основного (словарного) значения слова отдельно, и, во-вторых, считал концепт «своего рода алгебраическим выражением» значения, которым мы оперируем в своей письменной и устной речи, ибо охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.) [19].

Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека. Чем шире и богаче культурный опыт человека, тем шире и богаче потенции концепта.

Концепты возникают в сознании человека не только как намеки на возможные значения, но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, социальный, научный, исторический, лингвистический и т.д.

Концепт не только подменяет собой значение слова и тем самым снимает разногласия, различия в понимании семантики слова, чем облегчает общение; он в известной мере расширяет семантический потенциал, оставляя возможности для сотворчества, замысливания, «дофантазирования» и для эмоциональной ауры значений уже существующих слов, а также через словообразование (новообразования в языке, авторское словотворчество).

Ментальность обуславливает социальное поведение субъектов. Социум же диктует возможные изменения представлений. Следовательно, смена общественных установок находит свое отражение в изменении лексики.

Если мы хотим понять сущность культуры (науку, религию, литературу), то должны рассматривать эти явления как коды, формируемые подобно языку, ибо естественный язык имеет лучше всего разработанную модель. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только посредством естественного языка [21, с. 37].

По мере изменения картины мира изменяется и ментальность, что отражается в языке. Анализ современных языковых (речевых) новаций – один из способов изучения ментальности в ее «живом развитии».

Языковую картину мира (как индивидуальную, так и групповую) можно рассматривать как некий текст, правилами порождения которого выступают социокультурные и психологические факторы. Внешним, доступным изучению проявлением этого текста служит дискурс – «не дословный, но близкий перевод этого «внутреннего» текста на «внешний» язык. Следовательно, изучая структуру, функционирование, правила порождения дискурса –

как отдельного субъекта, так и социальной группы или целой лингвокультурной общности, – мы можем опосредованно изучать структуру, функционирование, принципы конструирования картины мира в индивидуальном или коллективном сознании (=ментальности)» [11, с. 81].

Ментальность как система семиотических воплощений модели мира в рамках конкретной лингвокультурной общности прагматически функционирует как дискурс, некоторый текст, экстралингвистические (психологические, социокультурные и др.) характеристики которого она определяет.

В естественном языке экстралингвистическая реальность представляет собой «мир, взятый в интерпретации его людьми с их отношениями друг к другу, и в этом смысле «онтология» явлений, как она представлена естественным языком, определяется тем, как люди, использующие язык, концептуализируют внеязыковую действительность; с другой стороны, любые речевые хитросплетения возможны лишь на фоне некоторого заданного способа языковой концептуализации мира» [3, с. 7].

Путь в ментальную сферу лежит через формы языка. По справедливому замечанию В.В. Колесова, «определение ментальности затруднительно по причине слабой разработанности самой проблемы» [10, с. 79]. Сам В.В. Колесов дает определение ментальности с акцентом на роли языка: «Ментальность есть мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее в процессе познания интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях. Язык воплощает и национальный характер, и национальную идею, и национальные идеалы, которые в законченном виде могут быть представлены в традиционных символах данной культуры» [10, с. 81].

Слово – хранитель и выразитель человеческого знания, социального опыта, культурной памяти. Национальные ментально-лингвистические комплексы связаны со *стереотипами* самосознания, которые, «будучи определенными ментальными «картинками», образами-представлениями, хранятся в сознании в первую очередь в виде феноменологических когнитивных структур» [17, с. 192]. Стереотипы – естественное проявление этнокультурного сознания, они тем или иным образом проявляются в межкультурном взаимодействии.

Стереотипы как общие представления проявляют национальную культуру как в диахроническом, так и в синхроническом аспектах.

Понятие *стереотип*, *штамп*, *клише* используется в социологии, социальной психологии, литературоведении, в практике исследования массовой коммуникации, в психолингвистике, этнопсихолингвистике и лингвокультурологии. Стереотипы входят в тезаурус представлений о мире определенной группы людей. Ю.А.Сорокин определяет стереотип как «некоторый процесс и результат общения (поведения) и конструирования, согласно определенным семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или

иных семиотико-технологических принципов, принятых в некотором социуме» [31, с. 56].

Стереотипы – это присвоенное личностью сознание определенного национально-культурного сообщества, получившее воспроизводимую языковую форму.

Языковая личность как носитель культурно-исторического опыта социума включает в свою языковую картину мира стереотипы, в речевую деятельность – штампы и клише. Владение стереотипами национальной культуры входит в языковую компетенцию носителя языка.

Так, стереотипы принадлежат сознанию, в речи же они проявляются в виде штампов и клише. По мнению Т.М. Дридзе, «клише – это всякая готовая речевая формула, критерием для выделения которой служит регулярность его появления в определенных повторяющихся речевых ситуациях» [6, с.11]. При всем различии подходов к содержанию понятий «стереотип», «штамп», «клише» [31, с. 55–58; 24, с.101–112; 17, с.140–160] их следует признать феноменами как психологическими, так и лингвистическими. Их диахрония – прошлый исторический и социально-культурный опыт, синхрония – воспроизводство характерных для каждого этноса особенностей культуры и мировидения. Стереотипы оформляются в речи в соответствии с культурными канонами, что дает возможность рассчитывать на правильное восприятие адресата, даже если говорящий добавляет собственные (эмотивные и экспрессивные) оценки.

Психосемантическая методика выявления национальных стереотипов – методика «множественной идентификации» [24], основанная на свойстве социального стереотипа формировать систему значений, выступая в этом случае в роли измерения самосознания. Стереотипная детерминированность, оценка по мерке этнокультурных социальных эталонов проявляется и в оценке *другого* (мы – они).

Мы использовали методику множественной идентификации для выявления представлений этнических групп Крыма друг о друге и о себе. Испытуемым был предъявлен список слов, соотносимых с общекультурным ментальным лексиконом и обладающих большой степенью проективности на этическое самосознание (например: долг, чувство, правда, ложь, сострадание, родина, честь и др.). Каждый участник этого эксперимента, по сути, вступил в диалог с иной культурой. При этом специфика собственной культуры часто проявлялась именно через этнические стереотипы.

Факт динамичности стереотипов хорошо подтверждается на примере отношения к словесным клише (идеологемам) советского времени [1].

Результаты опроса показали, что большинство респондентов не знает и, следовательно, не употребляет идеологемы недавно завершившейся эпохи (например: беззаветная борьба, бессмертный труд, битва за хлеб, старший брат, братская помощь, светлое будущее, вражий голос, горячее одобрение, политически зрелый, империя зла, железный конь, на общественных началах, живая очередь, пламенный привет, происки врагов). Выделение семантических признаков, как правило, не соответствует толкованиям советского времени и стереотипным предста-

влениям, связанным с этим временем. Часто респонденты включают характеристики, «снимающие» идеологемный характер целостного словосочетания, и переводят толкование в бытовой, житейский план.

Вопрос идеологизации значений подробно рассматривают С.С. Ермоленко, Г.Е. Крейдлин, Б.Ю. Норман, В.М. Брицын, Л.Т. Масенко, Г.Н. Скляревская и др. Под идеологизацией значения понимается «имплицитный прагматический компонент, основанный не на всеобщих и вечных представлениях о мире, а на искаженных, смещенных – на знаниях и истинах, навязанных, внушенных или пропагандируемых в конкретном социуме» [28].

Само же значение лексем теснейшим образом связано с господствующим в обществе мировоззрением, которое может радикально меняться на протяжении жизни одного поколения. Если языковая память старшего поколения поддерживается идеологемами и клише советского времени, то ставший нормой для молодого поколения прагматизм обретает свой язык выражения. Коллективизм советского образа жизни сменился отчетливо выраженной установкой на самодостаточность, стремлением оградить свою личную жизнь, семью от сложностей и опасностей внешнего мира.

Культура складывается на основе определенных моральных идеалов, представления о которых могут быть полноценными при соответствующей (адекватной) языковой «обработке» содержания этих идеалов – так согласовываются картина мира и языковая картина мира. Представления о моральных и этических нормах, приоритетах определяют образ жизни, целевые установки и приоритеты.

Таким образом, анкетное толкование лингвистических единиц выявляет сознание социологизированной личности, достигнутое знание о мире ценностей, дает представление о нравственных ориентирах, интересах, желаниях, склонностях. Такого рода информация помогает реконструировать «наивную модель мира».

Сознание человека, его проявление в языке зависят от объема «присвоенной» культуры.

Стереотипы речевого поведения проявляют базовые признаки национальной культуры и в этом случае выполняют объединительную роль. В условиях полилингвокультурной ситуации стереотипы речевого поведения могут выходить за пределы национального дискурса. С другой стороны, национальные дискурсы могут приобретать общую стереотипную сферу под влиянием СМИ, и прежде всего *рекламы*, так как сознание как высший тип психики есть форма отражения действительности. Реклама привлекает внимание теоретиков семиотики, коммуникатологов, культурологов, социолингвистов, стилистов, психологов. Социокультурная роль рекламы – в формировании стереотипов, влияющих на национальный менталитет, своеобразно дополняющих его. Рассматривая рекламу на фоне функциональных разновидностей русского языка, исследователи приходят к выводу о ее огромной роли в формировании стереотипов, влияющих на национальный менталитет, так как она «обусловила возникновение новых коммуникативных функций русского литературного языка,

и новые манеры речеведения – повышено эмоциональные, напористые, суггестивные, и плодотворную «гибридизацию», в результате которой на основе большинства газетных и с привлечением многих производственно-технических, научно-популярных и даже бытовых жанров сложились современные рекламные типы текстов [12, с.165].

Регулярно повторяемые речевые формулы рекламы становятся наднациональными клише и штампами. Динамика этнических стереотипов в полилингвокультурной ситуации – следствие изменений в сознании, происходящих под влиянием общего культурно-социального опыта, имеющего межэтнический (наднациональный) характер. Реклама как вид современного мифотворчества занимает одно из первых мест в массовой культуре, активно влияющей на формирование нового стиля жизни и, следовательно, на критерии самоидентификации прежде всего молодого поколения. Последствия рекламной стереотипизации, ее влияние на поведение, на восприятие и оценку других людей гуманитарным наукам (в том числе и лингвокультурологии) еще предстоит осмыслить. Феномен массовой коммуникации значим для оценки социального и речевого опыта людей, живущих в полилингвокультурном обществе. Если социальный опыт монокультурного общества, по мнению социологов, занимающихся проблемами массовой коммуникации, складывается из двух основных социальных контактов и восприятия событий, опосредованных СМИ [23, с.7], то опыт людей, пребывающих в многообразии жизни, характерной для полилингвокультурной ситуации, синтезирует стереотипы своей культуры с новым эмпирическим опытом. Новые стереотипы, клише возникают как бы спонтанно, упрощая интерпретацию реальности, а вместе с этим и речевое поведение. В полилингвокультурной ситуации рекламные стереотипы – одна из причин культурного конформизма и снижения роли традиционно сложившихся национальных стереотипов. Эффект коммуникативного воздействия рекламы в том, что она влияет на ментальное пространство личности. Реклама как сжатый текст минимизирует вербальный план этнокультурной прецедентности.

Сказанное выше подтверждают данные проведенного нами опроса. Перед 203 реципиентами, представляющими различные этнические сообщества (русские, украинцы, крымские татары, белорусы, греки, армяне, евреи, болгары и др.), был поставлен вопрос: какие слова и выражения из теле- и радиорекламы вы применяете в речи? Фразы из рекламных текстов (*Не дай себе засохнуть, О'кеу – О'б, кто пойдет на «Клинским», Где ты был? – Пиво пил, Все у нас получится, Ты не один, Чистота – чисто Tide, Ну очень толстый слой шоколада, Зачем платить больше? Хрусткий прикол*) были предъявлены как стимул. Реакция испытуемых градуировалась по принципам принятия/непринятия, употребления/неупотребления. Показательно, что всем респондентам рекламные фрагменты (слоганы) были знакомы. Зависимость от рекламы признали 9,8% опрошенных. В основном, это молодежь (русские, крымские татары) в возрасте 19-20 лет

(мужчины и женщины), а также люди (мужчины и женщины) в возрасте 35-46 лет (армяне, украинцы, русские, крымские татары, греки). Отвергли рекламные слоганы 57,1% опрошенных. Этот факт представлен людьми практически всех возрастных и этнических групп, среди которых как мужчины, так и женщины. Мужские и женские предпочтения оказались тематически. Кроме того, мужчины проявили склонность к более коротким и менее эмоционально окрашенным выражениями, что вполне согласуется с рядом гендерных различий.

Парадигмы реального общения – это способ говорить о языке как инструменте социального взаимодействия и о языковой компетенции как оптимальной (в идеале) способности выполнять такое взаимодействие. Реальное общение – это реальные говорящие (наши современники), действующие в определенных контекстных, прагматических условиях. Когнитивная и коммуникативная природа языка проявляются и реализуются в общении, в речевом взаимодействии. Ментальные процессы отражаются в речевом поведении, они исходно ориентированы на совместную речевую деятельность.

Парадигмы общения как способ описания языковых фактов с целью установления системных характеристик относятся к числу «нежестких» (в отличие от фонологических, морфологических и под.), т.к. их состав практически не ограничен, исторически изменчив, обусловлен социально-культурными установками. Отсюда - многомерность и избирательность исследовательских подходов и способов описания языкового материала [25, с.27]. Мы понимаем парадигму как совокупность знаков, выбор которых определяет национальные особенности носителей языка и верифицирует языковую личность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданович Г.Ю. Переосмысление слов уходящей эпохи в лингвистическом многомирии // Ученые записки ТНУ им. В.И.Вернадского. – Том 14(53). – № 1: Серия “Филология”. – 2001. – С.21–28.
2. Большой словарь иностранных слов. – М.: ЮНВЕС, 1999. – 784 с.
3. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира. – М.: Языки русской культуры, 1997.
4. Выготский Л.С. Мышление и речь // Собр.соч. – М., 1982. – Т.2.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». – М., 1993. – 328 с.
6. Дридзе Т.М. Опыт экспериментального подхода к проблеме информативности публицистического текста // Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком. – М., 1969. – С.11.
7. Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. Проблемы семиосоциопсихологии. – М.: Наука, 1984.
8. Жаботинская С.А. Когнитивная лингвистика: принципы концептуального моделирования // Лінгвістичні студії. – Черкаси, 1997. – Вип. 2.

9. Жаботинская С.А. Концептуальный анализ: типы фреймов// Вісник Черкаського ун-та. Сер.Філолог. науки. – Черкаси, 1999. – Вип.11.
10. Колесов В.В. «Жизнь происходит от слова». – СПб: Златоуст, 1999. – 368 с.
11. Калина Н.Ф., Черный Е.В., Шоркин А.Д. Лики ментальности и поле политики. – К.: Агропромвидав. України, 1999. – 184 с.
12. Кара-Мурза Е.С. «Дивный новый мир» российской рекламы: социокультурные, стилистические и культурно-речевые аспекты //Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И.Ожегова. – М.: Индрик, 2001. – С.164-168.
13. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 333 с.
14. Колшанский Г.В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980.
15. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. – М.: Наука, 1984.
16. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и в языке. – М.: Наука, 1990.
17. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2001. – 270 с.
18. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. – М.: Наука, 1984.
19. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Изв.Рос.АН Сер. Лит. и яз. – 1993. – №1. – С.3-10.
20. Лурья А.Р. Язык и сознание. – М.:Наука, 1979.
21. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997. – 207 с.
22. Маслова В.А. Лингвокультурология. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
23. Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. – М.: Едитория, 2002. – С.7.
24. Петренко В.Ф. Психосемантика сознания. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 208 с.
25. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С.27.
26. Реферовская Е.А. Философия лингвистики Гюстава Гийома.- СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1997. – 126 с.
27. Складаревская Г.Н. Реальный и ирреальный мир в толковом словаре (к вопросу о прагматическом компоненте слова) // Семантика и коммуникация. Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания. – Вып.4. – СПб: Издательство СПб университета, 1996. – С. 68–80.
28. Современная западная философия: Словарь // Сост.Молохов В.С., Филатов В.П. – Политиздат, 1991. – 414 с.
29. Современный словарь иностранных слов. – СПб: Дуэт, 1994. – 752 с.
30. Сорокин Ю.А. Психолингвистические аспекты изучения текста. – М.: Наука, 1985. – 168 с.

Гуменюк В.І. СТОРИЧКИ ТЕАТРАЛЬНОГО МИНУЛОГО СХІДНОЇ ВОЛИНИ

Житомиру, місту древньому, відомому ще з часів Київської Русі, більш як 1100 років. Про те, що це споконвіку театральне місто, свідчить назва одного з нинішніх передмість – Скоромохи. Це, як і знаменита фреска на стіні Київської Софії, один з нечисленних, пронесених крізь тлін століть знаків глибокого коріння нашої сценічної культури. Виникнення театального мистецтва як невід'ємної ознаки й потреби суспільного життя пов'язане з народними іграми та обрядами, що були широко розповсюджені на Поліссі, значну частину якого займає нинішня Житомирщина. Ось, скажімо, варіант пісенної гри “Зайчик”, записаний в селі Слобідка (тепер Коростишівський район):

Дівчата беруться за руки і стають у коло. Всі стоять, а одна ходить усередині. Коло співає:

Заюшка, заюшка,
Сірий, білий, волохатий,
Да не ходи вкруг хати,
Да не топчи руті-м'яти,
Хрещатого барвіночку,
Запашного василечку.

При словах “запашного василечку” дівчина намагається вирватися з кола попід руки дівчат. Всі швидко співають :

Чи не заюшка,
Чи не батюшка
По надвірку ходить,
Свої ніжки томить?
Є в нас ворота,
Жовтії ворота,
Позачиняйте, позамикайте!

Коли кінчають пісню, то та дівчина, що пробігла

крізь руки, стає там, де скінчилась пісня. Та дівчина, коло якої вона стала, виходить, і гра починається знову [1].

Ігри, хороводи й обряди, веснянки та гаївки, де виразно проступають найрізноманітніші елементи театральності (наприклад, учасниця наведеної вище гри – то вже виконавиця центральної ролі, в якій мусять бути якісь зародки перевтілення), записані фольклористами в багатьох куточках житомирського Полісся – в селах Піски й Лука під Житомиром, Гуничі та Яцкевич біля Овруча, в Радомишлі... Серед записувачів –Леся Українка (поетеса, зокрема, збирала народні пісні в селі Миропілля Звягельського повіту), Климент Квітка, котрий в 1924–1925 роках був в експедиції до Коростенського, Житомирського та Бердичівського районів, такі відомі фольклористи як Амвросій Метлинський, Павло Чубинський.

Поширена була на Поліссі й народна драма, зразки якої в двотомнику “Український драматичний театр. Нариси історії” названо “грунтом для майбутнього театру” [2]. Серед найбільш популярних була народна драма “Коза”. Театрознавець І.О.Волошин один з її варіантів записав у 1938 році від організатора народних вистав, семидесятирічного колгоспника К.М.Остапчука в селі Чорнорудка тоді Вчорайшинського, а тепер Ружинського району.

Всі учасники вистави “Коза”, описує дослідник, повинні були відповідно переодягатися. Парубок, який грав діда, надягав кожуха або драгу свиту, на спину намощував горб із соломи, на голові в нього була кудлата шапка. Він робив довгу